

НЕЗАМЕРЗАЮЩІЙ МАЛЬЧИКЪ.

НЕЗАМЕРЗАЮЩИЙ МАЛЬЧИКЪ.

Какия бы трагическия и значительныя событія въ странѣ ни совершались, жизнь тѣхъ, кто въ этихъ событіяхъ непосредственно не участвуетъ, должна идти своимъ порядкомъ. Духомъ жизни не по зарываемся это — пусть жизни, и, развѣ, личныя радости вается широко. Своимъ чередомъ пусть празднуютъ радостные дни, пусть зажигается въ каждомъ домѣ традиціонная елка, обрушывая не за нашу память. Газеты и журналы пусть печатаютъ святочные рассказы. Какъ бы ни смѣялись юмористы надъ шаблонностью темъ этихъ рассказовъ, пусть будетъ въ нихъ даже обычный рождественскій мальчикъ, которому очень холодно. Правда, нравы наши смягчились, — замораживать до смерти нищихъ простыхъ мальчиковъ не слѣдуетъ — но можно взять здороваго мальчика изъ зажиточной и образованной семьи, и подвергнуть его легкому дѣйствію холода, по его доброй волѣ. Это будетъ эстетическое преобразование стараго образа, — жалкіе лохмотья

нищаго да преобразятся въ красивое одѣяніе, пригодное для закаливанія юнаго организма. Намъ же въ Россіи такъ надобно, чтобы новое поколѣніе возрастало бодрѣе и здоровѣе. Известно, что «полезенъ русскому здоровью нашъ укрѣпляющій морозъ».

Каждый годъ тридцать перваго декабря у Мажаровыхъ устраивалась елка, соединяемая со встрѣчею Нового Года. Грѣшъ Мажарову исполнилось тринадцать лѣтъ въ мартѣ, другихъ дѣтей у Мажаровыхъ не было, и Грѣша, конечно, могъ бы и безъ елки обойтись. Но эта традиціонная елка радовала и взрослыхъ, отца и мать, а потому и Грѣша, мальчикъ въ мѣру серьезный и въ мѣру веселый, ждалъ ее съ такимъ же приятнымъ чувствомъ, съ какими ждалъ онъ всегда и другихъ семейныхъ праздниковъ. Притомъ же елка была только предлогомъ для того, чтобы весело провести день и ночь.

Днемъ, съ трехъ часовъ, приходили мальчики и дѣвочки короткознакомыхъ семей. Въ четыре часа дѣти обѣдали, потомъ веселились около елки. Въ семь часовъ обѣдали взрослые. Въ девятомъ часу обѣдъ кончался. Пили кофе съ ликерами въ гостиной, а въ кабинетъ Мажарова курили. Въ одиннадцать часовъ начинали събѣжаться приглашенные встрѣчать Новый Годъ. Елка опять зажигалась. Въ половинѣ двѣнадцатаго садились ужинать. Грѣшъ въ послѣдніе годы позволялось сидѣть съ большими до половины перваго. Большие же начинали по-настоящему веселиться только во второмъ часу ночи, — танцевали, кто-нибудь игралъ на рояли, кто-нибудь пѣлъ.

Въ остальные дни святокъ бывали на елкѣ у знакомыхъ.

Но в этом году перед праздниками о елке старались не вспоминать. Вообще в этом году все было не так, как всегда: Присяжный повзвренный Алексей Дмитриевич Мажаров похаживал воевать, надвывая мундиръ зашитнаго прѣта и погонн съ одною толоскою и одною звѣздочкою. Принимая послѣднй разъ клиентовъ, онъ говорилъ весело:

— Я уже не адвокатъ, я—прапорщикъ.

Его жена Елена Юрьевна пила кисеты, три раза въ недѣлю ходила въ лазаретъ, устроенный адвокатами, и заботилась о сборахъ и береженыхъ. Гриша въ свободное отъ своихъ уроковъ время читалъ о войнѣ, помогалъ матери въ ея заботахъ о вещахъ, посылаемыхъ на позици. Было Гришѣ скучно, что нѣтъ отца, что пусть его большой и уютный кабинетъ. Алексей Дмитриевичъ Мажаровъ былъ человекъ рѣшительный и веселый. При немъ Гришѣ нельзя было распускаться и шалопайничать, жизнь текла въ строго-отмѣченныхъ берегахъ и выходилъ изъ праницы удовлетвореннаго порядка было опасно. Зато бывало иногда очень весело, въ часы досуга и отдыха: отецъ былъ неистощимъ въ придумываннхъ самыхъ разнообразныхъ занятнхъ и развлеченнхъ, и всѣ его выдумки всегда бывали остроумны и полезны.

Привычка къ домашней дисциплинѣ была сильна въ Гришѣ, и безъ отца онъ велъ себя очень хорошо. Но, такъ какъ мать была мягче отца, то иногда налаженный домашнй порядокъ все-таки расхлябывался, и отъ этого Гришѣ дѣлалось скучно и кисло,—возможность своевольничать его не радовала. Онъ выросъ въ привычкахъ спартавскихъ и всякая разслабленность тревожила его.

Иногда Гриша даже ворчалъ на мать:

— Надо решительно говорить, можно или нельзя. Я не могу всего знать. Я—не отец семейства, чтобы за все отвечать.

Если Елена Юрьевна за что-нибудь упрекала Гришу, онъ, случалось, говорилъ ей:

— Мама, въ тебѣ нѣтъ никакой послѣдовательности: сегодня такъ, завтра иначе. А вотъ у отца всегда одно и то же, что вчера, то и сегодня.

Елена Юрьевна то хмурилась, то улыбалась и говорила:

— Ты, Гришка, кажется, чувствуешь недостатокъ родительской строгости? Такъ вотъ погоди, отецъ вернется, за все сразу высчитетъ. Будешь доволенъ!

Гриша досадливо краснѣлъ.

— Мама,—говорилъ онъ,—отецъ вернется, такъ его что жъ огорчать? Я веду себя въ общемъ не плохо, и тебя слушаюсь. Тебѣ на меня жаловаться не придется.

— Ты много рассуждаешь,—отвѣчала мать,—и мнѣ съ тобой некогда.

Да Гриша и самъ зналъ, что мама очень занята.

Уже въ началѣ декабря Гриша услышалъ разговоръ о елкѣ,—очень неприятный разговоръ. Услышалъ отрывокъ разговора случайно. Что-то понадобилось спросить у матери, и онъ пошелъ искать ее.

Въ гостиной у Елены Юрьевны сидѣла одна изъ ея подругъ Анна Александровна Латанская, молодая, блондинка дама съ лѣнивыми и нерѣшительными движениями. Она тоже была жена присяжного повѣреннаго, но ея мужа не взяли,—онъ былъ для этого старъ и тягелъ. Говорили о разномъ. Елена Юрьевна услышала изъ соседней большой комнаты приближающійся знакомый скрипъ на гладко-натертомъ паркетѣ голыхъ Гришкиныхъ ногъ: дома Гриша всегда ходилъ босой, иногда

такъ выбѣгали и на снѣтъ ненадолго, гордясь тѣмъ, что онъ—спартанецъ, сильный и закаленный. Подумавъ о Гришѣ, Елена Юрьевна вспомнила о приближающихся праздникахъ, и спросила:

— Ну, какъ въ этомъ году елка? У васъ будетъ? Какъ всегда?

Латанская нерѣшительно пожала круглыми плечами, и сказала:

— Да ужъ не знаю, право. Говорятъ, что елка—нѣмецкій обычай. Я слышала, что и не позволятъ рубить елки. Пожалуй, не будемъ дѣлать.

— Да,—сказала Елена Юрьевна,—и я думаю, лучше эти деньги на елку въ окопы послать. Не позволятъ едва ли стануть но не такое настроеніе.

Въ это время въ комнату вошелъ Гриша. Онъ услышалъ эти слова. Удивился немного, но сейчасъ же подумалъ:

«Отца нѣтъ, такъ ужъ какая была бы елка!»

Латанская, улыбаясь, посмотрѣла на его коротко остриженную голову, на его свѣреную мытую курточку съ бѣлымъ длиннымъ галстукомъ, на его стройныя, сильныя ноги и спросила:

— А что Гриша на это скажетъ?

Елена Юрьевна вздохнула, улыбнулась.

— Онъ у насъ—спартанецъ. Думаю, самъ откажется. Но если онъ захочетъ, конечно, елка будетъ, какъ всегда, подъ Новый Годъ.

Гриша подѣловалъ у гостыя сладко-пахнущую руку, и сказалъ:

— Конечно, лучше эти деньги послать на елку въ окопы. У насъ все есть, а бѣднымъ солдатамъ холодно.

— Конечно. — сказала Латанская. — это—вѣрно, Гриша.

И, обратясь къ Еленѣ Юрьевнѣ:

— Молодежь такъ отзывчива ко всему этому, такъ работаетъ и помогаетъ, — сердце радуется, глядя на нихъ.

Больше объ этомъ не говорили. Только черезъ нѣсколько дней самъ Гриша напомнилъ, что пора посылать елочныя деньги. Тогда, не откладывая дѣла, Елена Юрьевна съ Гришей сосчитали, сколько могла бы стоить нынче елка и отнесли эти деньги знакомому литератору, собиравшему пожертвованія на рождественскій подарокъ солдатамъ.

Когда Елена Юрьевна и Гриша возвращались домой, швейцариха, жена запасного, замѣнявшая своего ушедшаго на войну мужа, сказала Еленѣ Юрьевнѣ:

— И чего это все господа' придумываютъ? Уже такъ рассчитывала для Петайки на теплую курточку, да не туда повернулось. Ничего ему нынче не будетъ— вѣдь вотъ беда!

— А что такое?—спросила Елена Юрьевна, остановившись около швейцарской.

Гриша слушалъ внимательно.—Петайка, десятилѣтній заморышъ, былъ ему милъ.

— Да что, — говорила швейцариха, — пришелъ сегодня Петайка въ школу, а имъ учительница говоритъ: «Милыя дѣти, говорить, дума городская велитъ васъ благодарить, что вы такія выказались очень добрыя, отъ елки въ пользу солдатиковъ отказались». Мальчишки глазами хлопаютъ, а она посмотрѣла, ухмыльнулась, говоритъ: «Блги у васъ до будущаго года не будетъ, а деньги ваши елочныя дума въ окопы посылаетъ». Вотъ и остался мой Петайка безъ теплой курточки. Такъ одно къ одному,—и отца нѣтъ и елки Петайкѣ не будетъ.

— Пусть онъ жъ тамъ на елку придетъ, — съ размаху сказала Гриша.

И вдругъ вспомнилъ:

— Ахъ, да и у насъ не будетъ елки!

Елена Юрьевна погладила его по плечу:

— Ничего, теплую куртку Петяикъ мы одѣлаемъ.

Гриша призадумался надъ швейцарскимъ разсказомъ. За обѣдомъ онъ сказалъ:

— Ну, хорошо, мы нашему Петяикъ дадимъ теплую куртку, а вѣдь есть такіе, которымъ, пожалуй, никто теплой куртки не дастъ.

— Что жъ дѣлать! — отвѣчала Елена Юрьевна.

— Бѣднымъ дѣтямъ надо устраивать елку, — имъ теплыя вещи даютъ — говорилъ Гриша.

— Теплыя вещи солдатамъ еще нужнѣе, — сказала мать.

— Правда, — согласился Гриша.

Шли дни. Настали праздники. Лампады теплѣлись, а елки не у всѣхъ знакомыхъ были. Ну, что жъ! все жъ таки кое у кого была елка. Пригласили Елену Юрьевну съ Гришей. Говорили:

— Вы сами нынче елки не устраиваете, такъ у насъ побывайте.

Отказываться было неудобно. Если сказать:

— Нѣмецкій обычай.

Отвѣчали:

— Да ужъ онъ обрусѣлъ.

Если сказать:

— Война, а мы веселимся.

Отвѣчали:

— Солдатамъ легче не станеть, если мы носъ на квинту повѣсимъ.

Да были Гришѣ и другія развлечения.

На третій день праздника отъ отца пришло письмо,

женѣ и сыну вмѣстѣ. Какъ всегда, получение письма было праздникомъ, волнующимъ обоихъ. Письмо было длинное, на четырехъ страницахъ, писано карандашомъ. Мажаровъ писалъ между прочимъ:

«Жалью, что меня не будетъ на нашей елкѣ. Но душою буду опять съ вами. Глазами души буду видѣть, какъ у васъ горятъ огоньки свѣчекъ, какъ блестятъ и искрится на елкѣ сусальный снѣгъ. Снѣгъ и у насъ будетъ настоящій и елки, пожалуй, будутъ, а свѣчекъ зажечь не придется».

Гришѣ стало какъ-то неловко. Онъ сказалъ:

— Отецъ и не знаетъ, что мы эти деньги, елочные, пожертвовали, и что елки у насъ не будутъ.

— Мы ему объ этомъ напишемъ,—сказала Елена Юрьевна.

На томъ и успокоились. Отцу написали,—какъ все, гда, шесть страничекъ Елена Юрьевна вечеромъ, и рано утромъ послѣднія двѣ странички Гриша. Онъ же надписалъ конвертъ, и заклеилъ его.

Отправляясь утромъ кататься на конькахъ, Гриша положилъ письмо въ карманъ своего пальто, чтобы опустить въ почтовый ящикъ. Почтовый ящикъ былъ совсемъ близко, только перейти черезъ переулокъ и пройти сажень пятнадцать до угла ближней улицы. Но Гришѣ надо было идти въ другую сторону, онъ торопился застать товарищей,—и такъ немного опоздалъ, занявшись письмомъ—и потому онъ рѣшилъ опустить письмо въ другой ящикъ, гдѣ-нибудь по дорогѣ.

О домашней елкѣ не говорили всѣ эти дни.

Днемъ тридцатаго декабря Гришѣ стало почему-то скучно. Мать была въ лазаретѣ. Гриша былъ одинъ. Читалъ книгу, сидя въ своей комнатѣ, скрестивъ подлѣ столъ ноги. Читалъ невнимательно. Думалъ объ отцѣ.

На улице уже темнело. Въ комнатѣ топила печь. Гриша оставилъ надобную книгу, и подошелъ къ печкѣ. Онъ любилъ смотрѣть на огонь. Дровъ уже не было, только-что сгорѣли, рассыпались на ровную россыпь углей; цѣты ихъ были—расплавленный янтарь, а тѣни были фиолетовы и казались пятнами жаркой крови. Въ глубинѣ печи жаркій воздухъ казался гуще, и казалось, что видны восходяще токи безвиднаго пламени. Иногда взлетали и опять опускались черныя, плоскія петелинки, медька, какъ птицы. И все пространство безпечно горящихъ углей казалось раскаленнымъ пожарищемъ ютѣбнаго міра.

Гриша сѣлъ на полъ передъ печкою, обхвативъ руками скрещенныя голыя ноги. Всмотрѣлся на огонь. Вдругъ скригнула, открываясь, дверь. Гриша обернулся. Вошла горничная Таня, молодая, пополнѣвшая на городскихъ легкихъ хлѣбахъ и неутомительной работѣ дѣвица, грамотная, любезная и хитрая. У нея въ рукахъ было письмо.

Гриша радостно вскочилъ и вскрикнулъ:

— Изъ арміи! Отъ пачоты!

Таня засмѣялась.

— Да гдѣтъ. Гришенька, не изъ арміи, а въ армію. Забыли, видно, опустить, въ карманъ проносили.

Гриша растерянно вертѣлъ письмо въ рукахъ. Таня лукаво говорила:

— Сходить, опустить? или до барыни подождать? Барыня, пожалуй, рассердится. А то я схожу, опущу, барыня и не узнаетъ.

Гриша покраснѣлъ и сказалъ досадливо:

— Я и не думаю отъ мамы скрывать. Оставьте письмо у меня. Я самъ спрошу у мамочки.

Таня хихикнула, и вышла.

Гриша положил письмо на стол, опять опустился на пол перед печью, и стал раздумывать, что теперь делать. Яркое пылающее углей раздражало и волновало его.

«Что же тут сидеть?—подумал он.—Может быть, сейчас письма из ящика вынимать будут. Надо послать скорѣе».

Гриша вдруг рѣшился, схватил письмо, и побѣжалъ въ переднюю, на лѣстницу, на улицу. Ни шапки ни обуви на надѣть, очень торопился.

Сбѣжалъ съ третьяго этажа, къ выходной двери. Швейцариха, жена запасного, поглядѣла на него, и сказала:

— Морозно, Гришенька. Простудитесь.

Гриша весело сказалъ:

— Ничего, я только до почтоваго ящика.

— Письмо, что ль опустить?—спросила швейцариха.—Такъ Петяйка сбѣгаетъ, онъ дома.

Но Гришѣ хотѣлось самому кончить начатое. Самому всегда веселѣе все делать. Онъ крикнулъ:

— Нѣтъ, я самъ. Петяйка сунетъ въ благотворительный ящикъ, письмо завалается, а оно спѣшное.

И выбѣжалъ на улицу. Только бѣлый галстукъ взметнулся отъ сквозняка въ дверяхъ. Швейцариха покачала головой. Подонѣнная къ телефону барышня изъ двадцать втораго номера, зеленолицая и худенькая, всплеснула руками, и воскликнула:

— Ахъ, Боже мой! Зачѣмъ вы его выпустили на морозъ раздѣтаго? Онъ себѣ ноги отморозить.

Швейцариха махнула рукою, и засмѣялась.

— Ничто ему сдѣлается. Онъ, барышня, не такой, какъ мой Петяйка, хлипкій. Здоровый мальчишка, крѣпкій. Ему и морозъ ни почемъ.

Гриша перебѣжалъ неширокій переулочекъ наизоконъ къ почтовому ящику. Какъ всегда, крѣпкія объята мороза веселили и забавляли Гришу. Хотѣлось громко кричать отъ восторга, вбирая глубоко въ грудь бодрый морозный воздухъ.

Снѣгъ былъ неглубокій, хрупкій, остро-радостный. Въ слабо-освѣщенномъ фонарями переулкѣ никто не шелъ и не ѣхалъ. Уже Гриша стоялъ передъ желтымъ ящикомъ и уже толкнулъ письмомъ жестяную завѣсу узкаго прорѣза. Но вдругъ ярко блеснули въ Гришиной головѣ тревожныя мысли:

«Папа душою будетъ на нашей елкѣ, будетъ видѣть ее глазами своей души, а елка не зажжется. Нѣтъ тутъ что-то неладно вышло. Я никогда ничего не забываю, а это письмо забыть,—можетъ быть, это—указаніе, что его и не надо посылать. Надо еще съ мамой поговорить».

По улицѣ мчались санки, завернули въ переулокъ. Знакомый голосъ окликнулъ Гришу. Гриша глянулъ,—это возвращалась домой мама.

«Вотъ и еще указаніе!—подумалъ Гриша.—Только что я о мамѣ подумалъ, а она тутъ, какъ тутъ».

И бросился бѣжать домой. Подбѣжалъ къ подъѣзду въ то время, когда мама уже выходила изъ санокъ.

— Ты въ почтовому ящику бѣгалъ, Гриша?—спросила мать, входя за нимъ съ улицы въ дверь.

— Да, мамочка—сказалъ Гриша,—письмо носилъ, да раздумалъ бросать назадъ принесть съ тобой погово- рить о немъ надо.

— Кому письмо?—спрашивала Елена Юрьевна.

— Палочкѣ,—отвѣчалъ Гриша.

— Опять?—съ удивленіемъ спросила она.

Гриша засмѣялся.

— Да нѣтъ, мамочка, то же самое письмо.

— Тебѣ холодно, Гриша? — спросила мать, глядя на таюцїя снѣжки на Грипиныхъ покраснѣвшихъ и радостно проворныхъ ногахъ. — Морозъ на улицѣ.

— Нѣтъ, мамочка. На улицѣ было холодно, здѣсь сразу стало тепло. Точно въ горячую воду вошелъ.

— Ну, скорѣе домой, — торопила мать. — Все же надо согрѣться. Такъ что же съ письмомъ? Забылъ тогда опустить?

Гриша стыдливо пожаль плечами.

— Догадалась, мамочка? Да, такая досада!

Подымаясь по лѣстницѣ, Гриша торопливо рассказывалъ матери, что случилось съ письмомъ, и что онъ объ этомъ думаетъ.

Вошли домой. Таня встрѣтила, усмѣхаясь. Гриша сказалъ:

— Таня думала, что я хочу отъ тебя скрыть.

— Мнѣ что жъ! — сказала Таня весело усмѣхаясь.

— Я пальто Грипенъкино чистила, письмо нашла, отдала — мнѣ какое дѣло!

— Она хотѣла меня покрыть, — весело говорилъ Гриша. — Она сегодня добрая, письмо отъ своего жениха получила, изъ арміи.

Таня зардѣлась, засмѣялась.

— Да что вы, Грипенъка! Какой онъ мнѣ женихъ!

— Такъ какъ же, Гриша? — спросила Елена Юрьевна. Отецъ тамъ, въ арміи, завтра вечеромъ будетъ думать о нашей елкѣ, будетъ воображать, какъ на ней свѣчки горять какъ намъ весело?

— Да, мамочка.

— А елки у насъ не будутъ?

— Да, мамочка. Потомъ отецъ получить наше письмо, узнаетъ, что елки у насъ не было, — и выйдетъ, что напрасно онъ представлялъ напу елку, то, чего не было.

— Выдеть, Гриша, что мы его обманули?

— Да, мамочка.

Отвечал Гриша на маминь вопросы, и уже чувствовал, что вот еще немного, и он заплачет. Мать засмѣялась, погладила его по стриженной головѣ, и сказала:

— Ну, Гриша, одѣвайся. Магазины еще открыты, пообедаемъ позже. Я пока на завтра кое-кого приглашу. Остальныхъ вечеромъ.

Гриша радостно улыбался, Елена Юрьевна говорила:

— А вы, Таня, во что бы то ни стало доставьте на завтра елку. Лучше сегодня же купите.

— Да ужъ достата,—сказала Таня.—Катя еще вчера купила.

— Какъ купила?

— Да такъ. Въ кухнѣ стоять. Я ей говорю,—не будетъ нонче у нашихъ господъ елки. А она мнѣ,—не мажеть того быть,—каждый годъ бывала елка, такъ такъ нонче не будетъ! Взяла, да и купила. Ужъ она такая самовольная!

— У нея было предчувствіе, что папа непременно захочетъ елки!—весело закричалъ Гриша.

Елена Юрьевна улыбнулась.

— Что на палу сваливать? Не Гриша ли захотѣлъ?

Гриша засмѣялся и побѣждалъ къ себѣ. Натягивая сѣрыхъ чулки на быстро потеплѣвшія ноги, онъ думалъ:

«Вотъ какъ хорошо выходить! Папа не даромъ завтра будетъ думать о нашей елкѣ,—елка будетъ, мы его не обманемъ».

И зажглась подъ Новый Годъ елка, и собрались во-кругъ нея веселюю толпою.

А ночью Гришѣ снились веселые сны. Снилось, что отецъ вернулся живой и не раненый, и рассказываетъ безъ конца интересныя истории.